

Оригинальная статья/Original article

УДК 341(796)

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.188-204>**Участие Спортивного арбитражного суда (CAS) в Лозанне
в урегулировании спортивных конфликтов****М.Р. Асадуллин***Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия**asadullin-murad@yandex.ru***Аннотация**

В настоящей статье предпринят анализ организационных форм урегулирования споров в Спортивном арбитражном суде (CAS). Сделан акцент на том, что в спорте требуются специальные механизмы, которые должны опираться на особые методы и приемы, а также полномочия судейского корпуса во время проведения соревнований и после них. Отмечается, что CAS с точки зрения функций есть прежде всего суд, то есть орган, уполномоченный не просто «рассматривать» спор, но и «разрешать» его, выносить по итогам акты, способные в результате применения абстрактных норм права определять состав прав и обязанностей в конкретном правоотношении, в том числе прекращать и (или) изменять его. Изучение практики разрешения споров CAS позволяет заключить, что в нем широко применяется такая форма урегулирования разногласий, как медиация, что является вполне обоснованным, поскольку обстоятельства и причины, вызывающие в спорте конфликты и споры, нередко связаны с эмоциональным фоном спортсменов, психологическими реакциями, сопровождающими соревнования. Также показано, что квалифицированный специалист-посредник (посредники) способен «снять» негативные эмоции на основе объективной информации. Сделан вывод о том, что развитие альтернативных методов разрешения споров, включая создание специализированных юрисдикционных органов и дисциплинарных комитетов, является позитивной тенденцией, направленной на повышение эффективности и доступности правосудия.

Ключевые слова: спортивное право, практика Спортивного арбитражного суда, Court of Arbitration for Sport (CAS), урегулирование споров, дисциплинарные санкции, спортивная медиация

Для цитирования: Асадуллин М.Р. Участие Спортивного арбитражного суда в Лозанне (CAS) в урегулировании спортивных конфликтов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2026. Т. 168, кн. 3. С. 188–204. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.188-204>.

The role of the Court of Arbitration for Sport (CAS) in Lausanne as a forum for sports dispute resolution

M.R. Asadullin

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

asadullin-murad@yandex.ru

Abstract

This article examines the organization of sports dispute resolution in the Court of Arbitration for Sport (CAS) and emphasizes that its mechanisms should be based on specific rules and procedures governing sports and recognize the authority of competition officials to make decisions during and after competitions. The CAS primarily functions as an adjudicatory tribunal with the power to not only “review” disputes, but also to “decide” them by issuing final and binding awards that apply common legal standards to particular cases in order to determine, modify, and (or) terminate the rights and obligations of the parties involved. The analysis of the history of the sports disputes resolved by the CAS shows that it promotes mediation as a preferred practice to settle disagreements. Because conflicts in sports emerge typically due to the intense emotions and psychological pressures that accompany sports events, the above approach seems to be justified. CAS mediators are qualified to “de-escalate” the emotional tension by helping the parties focus on objective facts. The development of alternative methods for resolving disputes with the creation of specialized “jurisdictional bodies” and “disciplinary committees” represents a good trend to improve the efficiency and accessibility of justice in sports.

Keywords: sports law, case history of the Court of Arbitration for Sport, Court of Arbitration for Sport (CAS), dispute resolution, disciplinary sanctions, sports mediation

For citation: Asadullin M.R. The role of the Court of Arbitration for Sport (CAS) in Lausanne as a forum for sports dispute resolution. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2026, vol. 168, no. 3, pp. 188–204. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.188-204>. (In Russian)

Введение

Споры в сфере спорта могут рассматриваться в самых различных судебных органах, в том числе в судах национальных судебных систем, Европейском суде по правам человека, а также в различного рода арбитражных учреждениях (третейских судах), среди которых особое место занимает Спортивный арбитражный суд (далее – CAS) в Лозанне (Кодекс КАС). Однако, в отличие от механизмов превентивного «урегулирования», в перечисленных юрисдикциях осуществляется преимущественно постконфликтное «разрешение» споров.

Приведенный факт обуславливает эволюционное развитие споров в специфических процессуальных формах и по траектории, опирающейся на принципы, экзогенные (внешние) по отношению к спортивной сфере (судебная дискреция, опора на властные функции государства, принудительность). Как верно отмечает В.П. Васькевич, «осуществление правоприменения специализированными спортивными арбитражами предопределено теми же причинами, которые вызвали к жизни признание и автономию спортивных федераций, а Спортивный арбитражный суд в Лозанне вполне отвечает понятию „суд“ в значении ст. 11 ГК РФ. Таким образом, это не результат „делегирования юрисдикционной деятельности“» [1, с. 201].

Целесообразность иметь современные и организованные формы урегулирования споров в CAS потребовала создания механизма медиации, формат которого в настоящее время оптимизирован. При этом медиация в данном случае является не просто неким дополнением к процессу рассмотрения спора, а может сочетаться с различными способами его урегулирования. В целом модель ведения процедур проста: медиатор выслушивает стороны и ищет варианты, которые бы устроили обе стороны. Заметим, что во многих странах проводится значительная работа по популяризации и просветительской деятельности в области медиации [2; 3]. В таком случае она завершается подписанием мирового соглашения. В разных государствах отмечаются и некоторые отличия в лицах, участвующих в медиапроцедурах; например, в особом порядке регулируется посредничество (аналог медиации); допускается представительство сторон, а медиатор может предлагать способы решения вопроса. Такая возможность отсутствует в соответствующем законе Российской Федерации. В действующем законодательстве также не предусмотрены нормы, позволяющие сторонам самостоятельно договориться о правилах медиации, и спортивная сфера не является исключением. С.А. Юрлов убедительно отмечает: «...субъекты спорта (в особенности спортсмены) ограничены в выборе органов, разрешающих спортивные споры, что выражается в существовании жестких (зачастую навязанных) третейских соглашений, включая запрет обращения в органы судебной власти государства»¹.

Роль арбитража в спорте

«Мировое соглашение» составляется посредником и подписывается всеми участниками, но это не исключает (например, при расхождении взглядов) и возможности арбитража; по правилам медиации CAS и медиация могут следовать друг за другом в любом порядке (Осн.док.). Очевидно, это обстоятельство существенно отличает подобную ситуацию от положений соответствующего отечественного закона. Согласно п. 3 ст. ФЗ о медиапроцедурах (ФЗ-193), какие-либо споры, прямо не указанные в данном Законе, могут быть предметом рассмотрения лишь в том случае, если это прямо предусмотрено законодательством, а в соответствии с п. 4 процедура медиации может применяться после возникновения споров, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства, административного судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах.

Примечательна норма ст. R42 Регламента CAS: «Председатель Палаты, прежде чем передать дело Группе, может в любое время попытаться разрешить спор путем примирения. Любая сделка может быть предметом арбитражного решения, вынесенного по соглашению сторон». Подчеркнем, что речь идет уже о процедуре третейского разбирательства. Практически эта же норма повторена в ст. R56 (на стадии апелляции). По смыслу абз. 3 ст. 46 Регламента CAS соглашения могут заключаться и в ходе арбитража (Регл.).

CAS применяет еще одну своеобразную форму, способствующую достижению примирения, но совершенно нетипичную в других областях права, – «консультативные заключения» (ст. R60–R62). Однако вопрос, который передается на заключение, не должен быть предметом ведущегося третейского разбирательства в CAS. Смысл прост: если органы МОК, национальные комитеты, «признанные» спортивные федерации в своей деятельности сталкиваются с проблемой понимания требуемого поведения, то они вправе обратиться в CAS для получения авторитетного мнения по поводу оценки действий и тем самым не

¹ Юрлов С.А. Разрешение спортивных споров: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 12.

допустить ошибки, заблаговременно получив квалифицированное суждение о чьих-либо действиях. Безусловно, такое заключение не обладает силой решения по делу [4].

Особое значение имеют и решения самого Спортивного арбитража (Tribunal arbitral du Sport) в Лозанне². Утверждение о том, что создание данного суда опиралось прежде всего на идею (принцип) «единства спорта», не вполне точно – здесь имело место несколько факторов.

Все третейские суды существенно отличаются, а упомянутый суд имеет не только особое происхождение, но и исключительный авторитет. К сожалению, третейские суды в РФ почти полностью утратили потенцию развития. На наш взгляд, их история в России свидетельствует не только о пренебрежении этим фундаментальным институтом общества, но и о непонимании его сущности и значения [5].

В некоторых случаях говорится, что законодатель для реализации принципа спортивной автономии закрепил «самоустранение государственного суда» [6, с. 48]. При этом имеют в виду установление в ст. 17 ФЗ «Об общественных объединениях» (ФЗ-82) правила о невмешательстве государства в деятельность общественных объединений, им корреспондирует известная норма п. 3 ч. 1 ст. 3 ФЗ «О спорте» (ФЗ-329). Полагаем, что это по сути неверно, поскольку наличие спортивного движения не означает отказа от осуществления всяким сувереном своих важнейших функций: установления правопорядка, средств его обеспечения и суда. Главная задача в подобных случаях – наметить и провести линии, разграничивающие сферы действия правил спорта и обычных норм, вводимых государством. Никаких особых правил и самостоятельных институтов, в том числе CAS, в сфере спорта не могло бы возникнуть, если бы не ряд хорошо известных обстоятельств, включающих также и необходимость иметь систему правил рассмотрения споров, не связанную с принадлежностью определенному государству и независимую от него, что служит довольно надежной базой для реализации принципа автономии в спорте. В юридической литературе отмечается, что чрезмерное вмешательство в дела спортивных организаций опасно и способно разрушить созданную ими систему правового регулирования [7]. Следует учитывать, что спорт есть явление международное и всемирное, а не национальное, что предполагает единство правил (применительно к одному виду спорта) вне зависимости от того, на какой территории они действуют. Наконец, опыт (практика) показал, что далеко не сразу происходит формирование корпуса лиц, которые бы надлежащим образом ориентировались в специальных вопросах спорта и могли бы квалифицированно рассматривать споры в данной сфере (собственно говоря, наблюдается это и сейчас). В указанном смысле создание особого судебного органа оказалось во многом вынужденным шагом.

Прежде всего CAS выполняет судебную функцию: он не просто рассматривает спор, но и выносит решения, которые на основе применения абстрактных норм права определяют состав прав и обязанностей сторон в конкретном правоотношении, включая его прекращение или изменение. Так может быть определено с цивилистических позиций понятие «судебное решение» (см. подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ), хотя существует значительное количество и других его оценок³ [8; 9]. Отметим, что рассматриваемый орган был образован в условиях, когда в 80-х годах прошлого века резко выросло число международных спортивных споров, а релевантный и независимый орган их рассмотрения отсутствовал. CAS был официально

² Официальное наименование – Court of Arbitration for Sport (на англ.); Tribunal arbitral du Sport (на франц.).

³ Власенко В.А. Судебное решение как основание установления гражданских прав и обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. 28 с.

учрежден на сессии Международного олимпийского комитета (6 апреля 1983 г.) по инициативе президента МОК Х. Самаранча и вице-президента МОК К. Мбайе. Постепенно сложились базовые правила его деятельности и условия обращения к нему, а Международная федерация конного спорта (FEI) стала первым спортивным органом, использующим его арбитражную оговорку. Устав CAS 1984 г. сопровождался набором процедурных правил, касавшихся состава членов, процедуры рассмотрения и разрешения спора, консультативной процедуры (Устав). Все операционные расходы покрывались МОК. Изначально все разбирательства были бесплатными за исключением споров финансового характера, когда стороны могли обязать оплатить часть расходов. В 1991 г. CAS опубликовал руководство по арбитражу, включавшее несколько типовых арбитражных оговорок, в том числе и ту, которая рекомендовалась для включения в уставы или регламенты спортивных федераций или клубов. Суть этой оговорки заключалась в следующем: а) спор в принципе желательно решить «мирным путем», б) в случае невозможности «мирного» решения следует обращаться в CAS, а не в «обычные суды». Реформа 1994 г. и дальнейшая практика сделали CAS экономически независимым от МОК, изменили структуру суда, в составе которого было образовано апелляционное отделение (согласно ст. S20 Устава CAS на сегодняшний день в нем три палаты: обычная арбитражная, антидопинговая и апелляционная), стали формироваться и специальные учреждения (в том числе для конкретных Олимпийских игр или чемпионатов, например чемпионата по футболу в Португалии). Высшим органом, обеспечивающим независимость CAS, стал Международный совет по арбитражу в спорте (ICAS). После назначения арбитры берут на себя руководство процедурой. Спор должен быть связан со спортом (см. ст. R27) и передаваться в арбитражный суд только при наличии арбитражного соглашения между сторонами.

Процессуальные положения Кодекса арбитража CAS в целом близки правилам всякого арбитража, несколько отличается процессуальный регламент антидопинговой палаты, что объяснимо с точки зрения задач и возможных решений. Часть дел, уже рассмотренных в CAS, можно оспаривать в федеральном суде Швейцарии⁴ (ФЗ Швейцарии о МЧП1987).

Со значительной долей условности передаваемые в Спортивный арбитражный суд споры принято делить на два типа: коммерческие и дисциплинарные. К первой категории относятся споры, связанные с исполнением контрактов, например, касающихся спонсорства, продажи телевизионных прав, организации спортивных мероприятий, трансферов игроков; а также споры, связанные с гражданско-правовой ответственностью. Вторая категория представлена спорами, связанными с допингом, насилием, недопустимым поведением в игре (такие дела обычно рассматриваются вначале дисциплинарными органами федераций, CAS по этим спорам – апелляционная инстанция).

Описанная система сформировалась и функционирует отдельно от «классической» судебной системы, существующей в любом государстве. Передача спора на рассмотрение другого судебного органа, в том числе национального суда, обычно выступает в качестве препятствия для рассмотрения его в CAS. Но приведенное положение зафиксировано весьма неопределенно, поскольку формирование национальных спортивных судов продолжается [10]. Равным образом описанная выше система не связана и с международными судами, созданными государствами, принципы ее построения могут быть исключительно договорными ввиду того, что в основе деятельности CAS должно лежать согласие всех вовлечен-

⁴ То есть по месту пребывания CAS.

ных сторон. Проблемы и «пробуксовки» в работе системы возникают тогда, когда выясняется, что вовлеченные в эту деятельность субъекты далеко не во всем согласны с правилами (в том числе с добровольным признанием юрисдикции CAS). Но в мире спорта нет единых правовых основ, которые могли бы стать фундаментом механизма рассмотрения споров – ни на уровне государств, ни на уровне отдельных организаций. В подобных условиях, если мы не хотим утрачивать связь с мировым спортом и если учитывать проблемы существования третейских судов в Российской Федерации [11], было бы правильным признать особый статус CAS (генетически связанный с понятием «третейский суд», но все же находящийся в особой правовой среде).

CAS успешно действует более 20 лет, и в отношении его деятельности накопились как восторженные отзывы, так и негативные комментарии в основном в отношении арбитражных решений, вынесенных при рассмотрении дел, связанных с допингом, которые являются «окончательными». Есть и вопросы по поводу арбитражной оговорки и ее обязательности. Во-первых, обозначенный порядок касается не любых споров, а лишь тех, когда спортсмен уже выбрал именно профессиональный спорт; споры с участием любителей в CAS не решаются, а юрисдикционные органы международных федераций принимают к рассмотрению лишь споры с транснациональным компонентом. Во-вторых, избрав транснациональный путь в спорте, спортсмен должен быть готов к тому, что его споры будет рассматривать именно CAS – не просто уполномоченный, а квалифицированный орган. В-третьих, спортсмен, скорее, заинтересован в возможности выбора органа, который будет рассматривать конфликт, и справедливом, с учетом особенностей спорта, его рассмотрении. Отмеченные обстоятельства и практика рассмотрения спортивных споров с участием спортсменов, нередко имеющих специальную, более техническую подготовку, практически исключают их рассмотрение в судах общей юрисдикции.

Заметим также, что формально в силу абз. 4 ст. R59 Кодекса CAS «решение Суда является обязательным только для сторон и только в отношении этого конкретного дела»⁵ (КСА). На практике при рассмотрении дел каждая панель арбитров учитывает предыдущие решения суда и основывает свои решения на правовых позициях CAS, сформулированных ранее. Практически сформулированное означает, что арбитры обязаны принимать решения, основанные на предшествующих прецедентах, хотя логика и основания вынесения решения по аналогичным предыдущим делам всегда исследуются в рамках нового процесса. Изучение решений, вынесенных CAS, показывает, что практически с начала 10-х годов XXI в. каждое решение обязательно содержит ссылки на ранее созданные прецеденты. Но бывают случаи, когда CAS не может опереться на сложившуюся практику.

В отличие от национальных судов, у CAS существуют и серьезные проблемы с исполнением его решений. Так, законодательство Российской Федерации вплоть до принятия Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ФЗ-382) не допускало возможности рассмотрения третейским судом споров, вытекающих из трудовых отношений, поскольку действовавший до 1 сентября 2016 г. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (ФЗ-102) указывал, что в третейский суд по соглашению сторон третейского разбирательства может передаваться только спор, вытекающий из гражданских правоотношений. Как известно, большая часть споров между профессиональными

⁵ Перевод в цитатах здесь и далее наш. – М. А.

спортсменами, тренерами и спортивными клубами связана с исполнением положений заключенных между ними трудовых договоров. Также периодически происходит вторжение государств в компетенцию CAS. Получая решения CAS, вынесенные в отношении дел, связанных с трудовыми спорами, суды Российской Федерации выдавали исполнительные листы и тем самым «придавали» им законную силу. Подобное происходило во многом вследствие того, что появление Суда в Лозанне в качестве судебного института в спорте постепенно изменило всю систему спортивного арбитража, и он стал широко использоваться в разрешении спортивных споров. Но, с другой стороны, если включение арбитражной оговорки с указанием юрисдикции CAS обязательно, то трудно говорить о «договорном начале» такой юрисдикции (ФЗ-396). Основные затруднения состоят в том, «что государственные суды фактически не принимают участия в приведении в исполнение международных арбитражных решений», за все время существования CAS только три его решения были исполнены через государственные суды⁶. При этом в силу поддержки, авторитета и влияния МОК и спортивных федераций решения CAS обычно исполняются добровольно. Формально лицо, в пользу которого было вынесено не исполненное добровольно решение, может также воспользоваться механизмом, предусмотренным Конвенцией ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Конвенция ООН1958). Но на этом пути есть немало препятствий (не считая того, что многие подписанты сделали оговорку о применении данной Конвенции лишь для «коммерческих» споров) [12].

В отношении решений CAS существуют непонимание и ложные представления. В тех случаях, когда критикуется распространение арбитражной оговорки, просто не учитывается, что нет иного пути, кроме как заранее получать ее от всех вовлеченных в спортивное движение. CAS вообще не рассматривает спор при отсутствии предварительного согласия спортсмена (или иного лица). А в тех случаях, когда высказывается негодование в связи с невозможностью рассмотрения спора о допинге в суде общей юрисдикции, упускают из внимания тот факт, что никто, в том числе и CAS, этому не препятствует. Дела такого рода вообще были и остаются в рамках обычной юрисдикции. CAS же выполняет совершенно иную функцию – он лишь исключает участие в соревнованиях тех спортсменов, которые игнорируют универсальный принцип «честной игры» (четвертый принцип Олимпийской хартии (далее – ОХ)). В понятиях ОХ «честная игра» – это соревнования без преференций и искусственных преимуществ, задача CAS в этом контексте – не ловить и наказывать лиц, принимающих запрещенные вещества, а, скорее, исключить возможность их участия в соревнованиях: ведь в ином случае пострадавшими окажутся «чистые» спортсмены, не употреблявшие запрещенные стимуляторы и иные подобные субстанции. Поэтому правовой эффект решений CAS в таких случаях более всего касается не нарушителей, а тех, кто получает возможность соревноваться на равных условиях. При этом никто не мешает национальным правоохранительным и медицинским структурам вести свое расследование и применять предусмотренные соответствующим уголовным или административным законодательством меры.

Всемирный антидопинговый кодекс (World Anti-doping Agency) (BAK2021) является весьма объемным и сложным по структуре документом, поэтому обратим внимание лишь

⁶ Кислякова Н. «Разве они имеют право не исполнять решение спортивного суда?» На злобу дня, или про особенный порядок приведения в исполнение решений Спортивного арбитражного суда в Лозанне. URL: https://zakon.ru/blog/2018/2/9/%E2%80%99Erazve_oni_imeyut_pravo_ne_vypolnyat_reshenie_sportivnogo_suda_na_zlobu_dnya_ili_pro_osobennyj_porya, свободный.

на ряд принципиальных аспектов, в том числе официально объявленные задачи, решение которых требуется от CAS при оценке обстоятельств и применении практикуемых мер.

Любопытным представляется постулат, изложенный в самом начале данного акта и объясняющий смысл документа в целом. В качестве главной задачи сформулирована вовсе не «борьба с допингом», а меры для защиты «фундаментального права спортсменов участвовать в соревнованиях, свободных от допинга и таким образом пропагандировать здоровье, справедливость и равенство всех спортсменов».

Приведенная цитата представляет собой ключ к пониманию существа мер, предпринимаемых ВАДА, то есть рассматриваемый кодекс прежде всего предоставляет «чистым» спортсменам возможность честно конкурировать. Что касается понятия «допинга», то в ст. 1 он определяется просто: это «совершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил, приводимых в статьях 2.1–2.11». В результате нарушением будет считаться не только использование запрещенных веществ и субстанций, но и, например, уклонение, отказ спортсмена от сдачи проб, неявка на процедуру. Юристы, воспитанные на базе и примерах классического права, в таких случаях нередко возражают, но здесь проявляется безупречная логика следования центральной идее Кодекса. В его основе лежат и другие идеи и концепты, в нем применяются специальные инструменты и «программы» («образование», «сдерживание», «выявление»), особое значение имеет выработка международных стандартов, исследования лучших практик, антидопинговые программы и т. д., но приведенное выше положение – центральное и многое объясняет. Надо также выделить положение ст. 3.1 о том, что если установлен факт нарушения (то есть зафиксировано применение допинга) и нарушителем не представлены определенные факты, опровергающие это, то «стандартом доказывания будет баланс вероятностей» [13; 14].

Практика Спортивного арбитражного суда (CAS)

Дифференциация наказаний при допинге весьма значительна и мотивируется специальными правилами. Так, при внесоревновательном контроле мочи (сентябрь 2022 г.) на тренировочной базе у хорватского футболиста Марио Вусковича, выступавшего за клуб в германской футбольной ассоциации, был выявлен ЭПО – вид пептидного гормона, фактора роста, родственного веществам и миметикам из запрещенного списка, и CAS дисквалифицировал его на шесть лет. Далее последовало необычайно сложное обжалование; апелляции подавали также Национальное антидопинговое агентство, Германия, ВАДА и Германская футбольная ассоциация, но их заявления и аргументации были различными. Рассмотрение дела сопровождалось серьезными исследованиями и разбором большого количества замечаний, жалоб, ошибок экспертиз (IDAS) и возражений, а также встречных заявлений представителей сторон и сопоставлений медицинских заключений. В результате апелляционное отделение CAS все же сократило срок дисквалификации спортсмена до четырех лет (CAS 2023/A/9550). В расчет были приняты следующие соображения: «спортсмен должен рассматриваться как впервые совершивший правонарушение, у него обнаружено небольшое количество запрещенного вещества», «прерывание соревнования и командных тренировок на четыре года обычно означает конец карьеры», в то же время спортсмен (как отдельный спортсмен) может сохранить «физическую и психологическую производительность с помощью тренировок».

Без учета задач спорта и принципов Олимпизма трудно понять некоторые другие решения CAS, который к некоторым спортсменам «почему-то» (как кажется со стороны) «прояв-

ляет снисхождение», а в отношении других – «избыточную суровость». Однако ответ кроется в процессуальных положениях, которым руководствуется данный орган, включая и Антидопинговый кодекс (ВАК2021). Так, выработано и закреплено дифференцированное отношение к случаям, когда спортсмен признает или не признает нарушение (при наличии положительной пробы); это касается и режима добровольного следования процедурам «временного отстранения» (ст. 7.4.4) и применения мер воздействия, а статьей 10.1.1 предусмотрено, что если спортсмен сможет доказать, что в его действиях было «отсутствие вины или халатности, то индивидуальные результаты спортсмена в других соревнованиях не должны быть аннулированы» (за рядом исключений)⁷ (CAS 2017/A/5301 and CAS 2017/A/5302).

Мотивация такого подхода состоит в том, что принципы Олимпизма предполагают избирательность и требуют относиться к ряду спортсменов с особой бережностью (это «защищенные» спортсмены) [15]. Действие подобного специфического механизма возможно объяснить только на основе гуманитарных задач Олимпизма. Примером может быть и новая (с 2021 г.) редакция ряда статей Антидопингового кодекса. Так, в ст. 10.6 предусмотрено сокращение срока дисквалификации в отношении ряда лиц; в основном к ним относятся «любители» (то есть не профессионалы), применившие допинг, не «вызывающий «зависимость», а равно доказавшие «незначительную вину или халатность»; в таких случаях «наказание должно составить выговор без срока дисквалификации» (как минимум) и максимум – два года дисквалификации (исходя из степени вины). Приведенные положения применяются главным образом к лицам, которым нужна специальная медикаментозная поддержка, спортсменам, утратившим трудоспособность, несовершеннолетним. Также это могут быть и те, кто в случае применения дисквалификации вообще может оказаться за пределами спорта или Олимпийского движения (с учетом его цикличности). Специалисты отмечают, что вырабатываются и релевантные критерии, которые позволят (пусть и со временем) более внимательно относиться к другим «уязвимым» спортсменам, в том числе «в спортивных расследованиях и спортивных процедурах по причинам, связанным, например, с полом, религией, культурой, сексуальной ориентацией или финансовым положением» [16, р. 6–11].

Хорошо известно несколько случаев применения понятия «защищенные спортсмены». Относится к ним и ситуация с фигуристкой К. Валиевой. Первая положительная проба не лишила ее права выступать (она была признана «защищенной» спортсменкой). Поскольку фигуристка не привела удовлетворительных объяснений, а вторая проба подтвердила применение допинга, CAS по требованию ВАДА принял решение аннулировать все «конкурсные результаты» К. Валиевой, включая лишение званий, медалей, призов. Если бы спортсменка доказала, что нарушение было совершено неумышленно, последствия были бы более мягкими. Позднее К. Валиева заявила, что пользовалась той же разделочной доской, на которую ее дедушка (который, как известно, таковым не является) выкладывал свои лекарства. Однако это заявление было сделано уже после того, как были получены результаты по первой пробе, и без всяких подтверждений изложенного обстоятельства. В ходе рассмотрения дела адвокаты К. Валиевой неоднократно меняли свою версию произошедшего, кроме того, ей, судя по представленным документам, за два года до этого официально разрешили принимать 60 лекарств.

⁷ Признание нарушения обычно ведет к сотрудничеству и дает основания CAS снизить критерии по «балансу вероятностей». См. также пп. 10.8.2 и 10.11.2 Антидопингового кодекса.

Однако необходимо учитывать, что речь идет не об освобождении от наказания, поскольку определенные последствия все же могут быть.

Неточное толкование ряда категорий нередко связано и с тотальным непониманием смысла деятельности МОК и его структур, задач Олимпийского движения и CAS, что отражается на порядке рассмотрения дел и применяемых процедурах. Например, CAS жестко разграничивает «индивидуальные» (отдельных спортсменов) и «коллективные» (например, НОК) интересы. Подобное, в частности, ведет к тому, что организации как таковые не вправе «представлять» кого-либо помимо себя (это положение и сейчас трактуется неверно, что отчасти обусловлено весьма вольным переводом ОХ). Вполне показательно в обозначенном отношении дело, связанное с обжалованием Паралимпийским комитетом России своего членства в Международном паралимпийском комитете. Приостановление членства было обусловлено результатами расследования, в котором принимал участие в том числе и доктор Ричард Макларен, подделки результатов допинг-проб 44 паралимпийцев из Российской Федерации («метод исчезающих положительных допинг-проб»). Паралимпийский комитет России заявил возражения в том числе и потому, что таким образом «российские паралимпийские атлеты не смогут принимать участие в следующих Паралимпийских играх». Арбитры CAS не приняли эту логику: согласно Уставу Международного паралимпийского комитета, «его членами могут быть юридические лица (представляющие спорт в определенной географической зоне). Это само по себе не может изменить ответственность такого (коллективного) члена по выполнению обязательств, возложенных на него Уставом МПК. В частности, коллективный член не может прятаться за спину индивидов, которых он представляет». Сходный вывод был сделан и относительно заявления о том, что Паралимпийский комитет России «имеет право коллективно защищать такие индивидуальные права спортсменов». Однако «сама сущность права личности, а также права естественной справедливости заключаются в том, что они не могут в принципе быть отделены от их первоначальных субъектов и переданы другим лицам». Отмечено, что комитет «не может выступать в качестве субъекта, хранителя или защитника этих индивидуальных прав спортсменов» (CAS 2016/A/4745).

Необходимо отметить и особенности разрешения споров, связанных с применением правовых санкций в отношениях с участием спортсменов. Понятие «санкция» соотносится не только с третьим элементом структуры правовой нормы (гипотеза – диспозиция – санкция), но и с понятием «ответственность» в праве, а также с эффектами, возникающими в результате применения ее мер (поэтому, например, О.Э. Лейст рассматривал «ответственность» как реализацию санкции) [17, с. 90–98]. В целом, юридическая ответственность часто (и вполне справедливо) рассматривается как реакция на правонарушение, то есть как своеобразное исправление дефектов развития (осуществления) той или иной правовой связи, что требует определенных, свойственных данной отрасли права усилий. Подобный взгляд во многом объединяет различные воззрения на юридическую ответственность, отражая ее функциональное назначение. Характерно, что если вначале, например, Н.С. Малеин ограничивался усмотрением в ответственности лишь факта правонарушения, то позднее ему пришлось сделать уточнение для сферы гражданского права, и применительно к данной области отношений ученый отмечает, что здесь ответственность обнаруживается прежде всего в компенсаторной функции, то есть исправлении положения за счет правонарушителя⁸.

⁸ Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М.: Наука, 1968. С. 47–51.

Впрочем, вопрос о компенсаторной функции прямо не относится к поднятой в статье тематике и касается далеко не всех случаев применения мер ответственности (наложения санкций). Маловероятно предполагать наличие особой «спортивной ответственности», что не исключает, однако, некоторой ее специфики [18–20]. При этом отсутствует логика в позиции, по которой, например, хоккеиста А., ударившего клюшкой хоккеиста Б. за пределами игры (и не в рамках правил), можно освободить от обычного административного или уголовного наказания, а в спорте можно отнести к понятию «спор», в том числе потому, что не все санкции оспариваются, нередко выступая средством организации необходимого порядка (способа удержания саморегулируемой системы в рамках избранных параметров). Другое дело – обсуждать, насколько обоснованно применяются подобные средства исходя из условий, размеров (масштабов) и других характеристик, тогда как отсутствие юридических фактов или условий, требуемых для участия в соревнованиях, например медицинских заключений, трудно отнести к применению мер ответственности. То же касается и отсутствия допинг-теста. Поэтому, например, неисполнение Московской лабораторией обязанности соблюдать все требования ВАДА, подделка данных и непредоставление аутентичной базы данных LIMS просто исключали возможность допуска спортсменов из Российской Федерации на ближайшие соревнования, а также имели иные последствия. Между тем соблюдение указанной выше обязанности данным учреждением было предусмотрено в ранее подписанных документах⁹.

Для соразмерной реакции на правонарушение регламенты и другие документы в спорте активно используют понятия, выражающие ту или иную форму и степень виновности и причастности, хотя периодически высказываются утверждения об обратном. Дело не столько в том, что международное спортивное движение относится к области частного права, а в том, что, назначая и применяя те или иные санкции в спорте, юрисдикционные органы спортивных федераций и CAS имеют в виду свои задачи и цели, достижение которых требует иной интерпретации (истолкования). Положения Олимпизма и отдельных международных федераций также пользуются понятием «вина». Впрочем, она и в гражданском праве, в том числе в ГК РФ, не имеет нормативного определения (в гражданских кодексах обычно нет понятий «вина» или «виновность»). Так, содержание ст. 401 ГК РФ дает лишь некоторое основание сформулировать доктринальное определение, опирающееся на противоположное «виновности» явление. Имеется в виду норма абз. 1 п. 1 упомянутой статьи: «Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства» (ГК РФ) (ср. оценку положения во французском законодательстве [21]).

В целом же, полагаем, предусмотренные и применяемые CAS санкции довольно глубоко дифференцированы и позволяют отразить степень тяжести нарушения и реализовать задачи Олимпизма.

Так, при обжаловании наказания (участие в коррупционном «договорном» матче) теннисисты М. Халиль и Я. Килани полагали, что наложенное наказание слишком «значительно и несправедливо» (девять лет дисквалификации и штраф, составляющий 5 тыс. долларов США). Панель арбитров отвергла жалобу и указала, что CAS пересматривает наказание «только в том случае, если санкция явно и грубо несоразмерна правонарушению»

⁹ URL: <https://www.sports.ru/biathlon/blogs/2655643.html?ysclid=mdh6kfdmmk751085030>, свободный.

(CAS 2021/A/8531). Наказание же апеллянтов соразмерно: они «выведены» из спорта на достаточно долгое время и, кроме того, наложено взыскание, соответствующее их поступкам.

Одной из задач арбитров CAS является следование правилу неприменения мер «конфискационного» и «дискриминационного» характера, а также недопущения избыточного наказания. Возможно, впервые это правило относительно именно к CAS было применено в государственном суде Швейцарии (обсуждался вопрос о причинах назначения необычайно крупного денежного штрафа) (Judgement 4A_510/2015). Приведем недавний пример. При рассмотрении апелляции футболиста П. Погба CAS выяснил, что неэндогенные метаболиты тестостерона оказались в организме спортсмена «не преднамеренно, а в результате ошибки врача» (при назначении добавки), и сократил срок дисквалификации с 4 лет до 18 месяцев (Football Anti-Doping 2024).

Вышеизложенное касается, на наш взгляд, и такой распространенной санкции, как «дисквалификация» (на определенное время или пожизненно). Иногда используется (в отдельных федерациях) термин «отстранение» (см. также подп. 14 ст. 2 ФЗ о спорте (ФЗ-329) и ст. 348.5 ТК РФ (ТК РФ)), который, на наш взгляд, не вполне совпадает с понятием «дисквалификация», но последствия их применения сходны – спортсмен не допускается к соревнованиям. По мнению В.П. Васькевича, дискуссионным являются и сам термин «дисквалификация», и правовое регулирование его последствий. Очевидно, ученый предлагает учитывать тот факт, что профессиональные спортсмены в подобном случае особенно уязвимы, поскольку лишаются средств к существованию [22]. Смысл «дисквалификации» преимущественно состоит не в том, чтобы «покарать», нанести имущественный урон, а в исключении из состава участников соревнований тех, кто не признает принципов Олимпизма, что проявляется в конкретных действиях.

Классификация (деление) санкций в спорте фактически не сложилась, хотя и принято разделять их на дисциплинарные и административные [23]. Однако даже при первом приближении заметны условность наименований и неустойчивость критериев разграничения. Так, дисциплинарные санкции нередко имеют признаки управленческого воздействия, то есть администрирования, и в этом смысле логически безупречны, поскольку выступают, скорее, способом поддержания порядка, придания устойчивости системе. Выделяемые в ряде федераций и лиг «спортивные» санкции (см., например, Раздел 4 Правил спорта «Хоккей») также спорны, поскольку в их числе названы и «штраф», и «запрет на выполнение лицом конкретной функции», каждая из санкций явно имеет характер имущественного обременения. Зыбкость классификационных критериев очевидна и позволяет предположить, что тема юридической ответственности в спорте еще ждет своих исследователей. В целом специалисты склоняются к тому, что многие дисциплинарные санкции служат своеобразным дополнением к имеющимся юридическим мерам воздействия: отмечается, что это прежде всего средства «самоорганизации» [24].

Впрочем, на наш взгляд, в отношении порядка назначения наказаний уже может быть и сегодня высказана критика, поскольку избыточно консервативными видятся подходы CAS к срокам проведения исследований и назначения наказаний, что, в частности, касается сроков проведения анализов, рассмотрения дел и периодов действия наказания. 3 сентября 2024 г. CAS вынес в арбитражной процедуре решение относительно повторных тестов, пройденных российской спортсменкой Т. Томашовой, в которых были выявлены анаболические стероиды. Спортсменка была дисквалифицирована на десять лет (со дня вынесения решения CAS все ее результаты, полученные после этой даты, аннулированы, она должна быть лише-

на всех титулов, медалей, денежных призов (Athletics Anti-Doping 2024)). Время проведения анализов сократить, по всей видимости, сложно (по общему правилу приходится ждать второй пробы), а в период крупных соревнований все лаборатории заняты.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в спорте такой способ урегулирования споров, как «медиация», начал применяться с некоторым запозданием. Вместе с тем при разрешении споров в CAS, в том числе и в случаях проведения процедур медиации, довольно широко применяются консультативные заключения, которые содержат мнение экспертов или органов по определенному вопросу. В сфере спорта такие заключения могут выдаваться, например, международными федерациями, антидопинговыми организациями или другими компетентными органами. Они не имеют обязательной силы и носят рекомендательный характер, но весьма значимы, поскольку позволяют разъяснить спорные положения регламентов, правил соревнований или антидопингового кодекса. При обращении в CAS стороны могут использовать заключение как доказательство, чтобы подкрепить свою позицию. Иногда консультативное заключение помогает сторонам лучше понять суть спора и найти точки соприкосновения до начала формального разбирательства. Однако важно помнить, что консультативное заключение не заменяет судебного решения и не обязывает стороны к каким-либо действиям. Причины конфликтов и споров в спорте часто связаны с эмоциональным фоном и психологическими реакциями спортсменов (напряжением и азартом, сопутствующими соревнованиям). Квалифицированный специалист-посредник, как показывает практика CAS, способен снять негативные эмоции, опираясь на объективную информацию.

Таким образом, продолжают развиваться методы урегулирования разногласий без обращения к государственным судебным органам, чем обусловлено распространение юрисдикционных органов федераций, дисциплинарных комитетов и иных подобных структур, да и в самом CAS предусмотрена процедура медиации. Что касается представления о будущем формате разрешения споров, то, судя по всему, возможность обращения в «классические» юрисдикционные органы сохранится, но и вариантов урегулирования конфликтов (споров) будет не меньше.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

Осн.док. – Useful documents // TAS / CAS (Основные документы о медиации на сайте КАС). URL: <https://www.tas-cas.org/en/general-information/index/>, свободный.

Регл. – Регламент Международного спортивного арбитражного суда от 30 июня 1984 г. URL: www.lib.sportedu.ru, свободный.

ФЗ-193 – Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.

Tribunal arbitral du Sport – Спортивный арбитражный суд. URL: <https://www.tas-cas.org/fr/arbitrage/code-reglement-de-procedure.html#c258>, свободный.

- ФЗ-82 – Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
- ФЗ-329 – Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 дек. 2007 г. № 329-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
- ФЗ Швейцарии о МЧП1987 – Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве от 18 дек. 1987 г. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042901>, свободный.
- Кодекс КАС – Code de l'arbitrage en matière de sport. URL: http://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Code_2017_FINAL__en_.pdf, свободный.
- ФЗ-382 – Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29 дек. 2015 г. № 382-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
- ФЗ-102 – Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
- ФЗ-396 – Федеральный закон от 22 нояб. 2016 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" в части регулирования спорта высших достижений и профессионального спорта» // СПС КонсультантПлюс.
- Конвенция ООН1958 – Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958) // СПС КонсультантПлюс.
- BAK2021 – Всемирный антидопинговый кодекс. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/2021_vsemirnyy_antidopingovyy_kodeks.pdf, свободный.
- CAS 2023/A/9550 – Mario Vušković v. German Football Association (DFB) & National Anti-Doping Agency of Germany (NADA). URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Award_CAS_9550-9586-9607__for_publ_.pdf, свободный.
- CAS 2017/A/5301 and CAS 2017/A/5302 – Arbitrations CAS 2017/A/5301 Sara Errani v. International Tennis Federation (ITF) & CAS 2017/A/5302 National Anti-Doping Organisation (Nado) Italia v. Sara Errani and ITF, award of 8 June 2018, paras. 184–186. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/5301,%205302.pdf>, свободный.
- CAS 2016/A/4745 – Паралимпийский комитет России против Международного паралимпийского комитета. URL: https://www.paralympic.org/sites/default/files/document/161005070256275_RPC%2Bvs%2BIPC_CAS%2B4745_Russian.pdf, свободный.
- CAS 2021/A/8531 – Mohamed Zakaria Khalil, Soufiane El Mesbahi & Yassir Kilani v. The International Tennis Integrity Agency (ITIA) 9 March 2023 // Bulletin TAS. 2024. № 1. P. 87–91.
- Judgement 4A_510/2015 – Judgement of the Swiss Federal Tribunal 4A_510/2015 – X. (Appellant) v. Y. (Respondent) // Bulletin TAS. 2016. № 2. P. 96–99.
- Football Anti-Doping 2024 – Media Release. Football Anti-Doping. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/CAS_Media_Release_10443.pdf, свободный.
- ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СПС КонсультантПлюс.
- Athletics Anti-Doping 2024 – Media Release. Athletics Anti-Doping. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/CAS_Media_Release_9506.pdf, свободный.
- Устав – Устав Спортивного арбитражного суда от 30 июня 1984 г. URL: www.lib.sportedu.ru, свободный.
- КАС – Кодекс спортивного арбитража. URL: http://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Code_2017_FINAL__en_.pdf, свободный.

Литература

1. Васильевич В.П. Некоторые вопросы правоприменения по спорам, связанным с осуществлением профессиональной деятельности спортсмена // Вестн. гражд. процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 190–215.
2. Allouzi A.S. The legal system of mediation and conciliation centers in United Arab Emirates federal law “Under Federal Law no. 17 of 2016 and Its Amendment No. 5 of 2021” // Russian Law Journal. 2023. V. 11, No 3. P. 2808–2822.
3. Chua E. The future of international mediated settlement agreements: Of conventions, challenges and choices // Tan Pan Online: A Chinese-English Journal on Negotiation. 2015. P. 1–11.
4. Беляев С.А. Спортивный арбитражный суд в Лозанне: международно-правовые вопросы организации и деятельности // Моск. журн. междунар. права. 2005. № 3. С. 213–233. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2005-3-213-233>.
5. Скворцов О.Ю. Публикация арбитража // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 164–167.
6. Ануров В.Н. Конфликт юрисдикций при оспаривании арбитражного соглашения. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 196 с.
7. Кошель А.Б. Государственное регулирование и саморегулирование в области профессионального спорта // Журн. рос. права. 2012. № 6. С. 112–118.
8. Демиева А.Г. Судебная практика: правотворчество или правоприменение? // Вестн. ПИУ им. П.А. Столыпина. 2017. Т. 17, № 2. С. 60–64. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2017-2-60-64>.
9. Голубцов В.Г. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2021. Вып. 52. С. 240–262. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-52-240-262>.
10. Бредихин А.А. Решения Спортивного арбитражного суда и Палаты ФИФА по разрешению споров, обладающие силой прецедента (на примере трудовых споров в сфере футбола) // Междунар. правосудие. 2019. № 3. С. 59–68. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2019-3-59-68>.
11. Шер М., Гайдаенко Шер Н.И., Зайцев О.В. Принудительное исполнение решений третейских судов в России – случился опасный судебный прецедент // Вестн. гражд. процесса. 2020. Т. 10, № 5. С. 101–117. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-5-101-117>.
12. Петрова К.В. Основания неисполнимости арбитражного соглашения: проблемные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 9. С. 28–31. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-9-28-31>.
13. Васильев И.А. Баланс вероятностей в допинговых спорах: установление источника попадания запрещенной субстанции в организм спортсмена // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 4. С. 16–19. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2022-4-16-19>.
14. Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестн. ВАС РФ. 2014. № 3. С. 25–57.
15. Демеш В.П., Афонина А.Д., Дудус А.Н. Несовершенства антидопингового законодательства WADA: защищенные лица // Бюл. инновационных технологий. 2024. Т. 8, № 1. С. 60–63.
16. Soublière J., Hessert B. Safeguarding and beyond – the role of sports regulations, human rights and the balance between the rights of interested parties in sports investigations and the disciplinary proceedings that arise from them // CAS Bulletin. 2024. No 1. P. 6–32.
17. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву: (теоретические проблемы). М.: МГУ, 1981. 239 с.
18. Чеботарев А.В. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы // Право. Журнал ВШЭ. 2019. № 3. С. 76–97. <https://doi.org/10.17-323/2072-8166.2019.3.76.97>.
19. Гирфанов И.И. Особенности ответственности физкультурно-спортивных организаций в гражданских правоотношениях // Вестн. экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 171–175. <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-1-171-175>.

20. Демиева А.Г., Савенко Н.Е. К вопросу о специфике корпоративной ответственности // Юридический мир. 2026. № 5. С. 27–30. <https://doi.org/10.18572/1811-1475-2026-5-27-30>.
21. Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестн. гражд. права. 2021. Т. 21, № 4. С. 212–241. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-4-212-241>; № 5. С. 233–255. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-5-233-255>; № 6. С. 154–193. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-154-193>; 2022. Т. 22, № 1. С. 200–229. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-1-200-229>.
22. Васькевич В.П. О договорном регулировании профессиональной спортивной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 1. С. 47–52.
23. Васильев И.А., Шевелева Н.А., Ветрова Е.Г. Отстранение клуба от участия в соревновании за манипулирование результатом как административная мера УЕФА: юридическая природа и особенности применения // Закон. 2020. № 8. С. 31–43.
24. Пешин Н.Л. О статусе и юрисдикции Спортивного арбитражного суда в Лозанне // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 125–139. <https://doi.org/10.12737/jfcl.2019.5.8>.

References

1. Vaskevich V.P. Some issues of law enforcement in disputes arising from professional activities of athletes. *Herald of Civil Procedure*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 190–215. (In Russian)
2. Allouzi A.S. The legal system of mediation and conciliation centers in United Arab Emirates federal law “Under Federal Law No. 17 of 2016 and Its Amendment No. 5 of 2021”. *Russian Law Journal*, 2023, vol. 11, no. 3, pp. 2808–2822.
3. Chua E. The future of international mediated settlement agreements: Of conventions, challenges and choices. *Tan Pan Online: A Chinese-English Journal on Negotiation*, 2015, pp. 1–11.
4. Belyaev S.A. Court of Arbitration for Sport in Lausanne: International legal issues of organization and activities. *Moscow Journal of International Law*, 2005, no. 3, pp. 213–233. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2005-3-213-233>. (In Russian)
5. Skvortsov O.Yu. Publicization of arbitration. *Treteiskii Sud*, 2021, no. 3/4, pp. 164–167. (In Russian)
6. Anurov V.N. *Konflikt yurisdiktsii pri osparivanii arbitrazhnogo soglasheniya* [Jurisdictional Conflicts in Challenging an Arbitration Agreements]. Moscow, Infotropic Media, 2013. 196 p. (In Russian)
7. Koshel A.B. State regulation and self-regulation in the field of professional sports. *Journal of Russian Law*, 2012, no. 6, pp. 112–118. (In Russian)
8. Demieva A.G. Judicial practice: Lawmaking or law enforcement? *Vestnik Povolzhskogo Instituta Upravleniya imeni P.A. Stolypina*, 2017, vol. 17, no. 2, pp. 60–64. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2017-2-60-64>. (In Russian)
9. Golubtsov V.G. Court decision as a legal fact in civil law: Doctrinal discourse and the problem of legal formulations. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2021, no. 52, pp. 240–262. (In Russian)
10. Bredikhin A.A. Decisions of the Court of Arbitration for Sport and the FIFA Dispute Resolution Chamber viewed as precedents (labor disputes cases in the field of football). *Mezhdunarodnoe Pravosudie*, 2019, no. 3, pp. 59–68. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2019-3-59-68>. (In Russian)
11. Schaer M., Gaidaenko Schaer N.I., Zaitsev O.V. Compulsory execution of arbitration court decisions in Russia – a dangerous judicial precedent has been set. *Herald of Civil Procedure*, 2020, vol. 10, no. 5, pp. 101–117. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-5-101-117>. (In Russian)
12. Petrova K.V. Grounds for treating an arbitration agreement as incapable of being performed: Selected issues. *Arbitrazhnyi i Grazhdanskii Protsess*, 2023, no. 9, pp. 28–31. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-9-28-31>. (In Russian)
13. Vasiliev I.A. The balance of probabilities in anti-doping disputes: Establishing the source of a prohibited substance in an athlete’s sample. *Arbitrazhnyi i Grazhdanskii Protsess*, 2022, no. 4, pp. 16–19. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2022-4-16-19>. (In Russian)

14. Budylin S.L. Inner conviction or the balance of probabilities? The standards of proof in Russia and abroad. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii*, 2014, no. 3, pp. 25–57. (In Russian)
15. Demesh V.P., Afonina A.D., Dudus A.N. Imperfections of WADA's anti-doping legislation: Protected persons. *Bulletin of Innovative Technologies*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 60–63. (In Russian)
16. Soublière J., Hessert B. Safeguarding and beyond – the role of sports regulations, human rights and the balance between the rights of interested parties in sports investigations and the disciplinary proceedings that arise from them. *CAS Bulletin*, 2024, no. 1, pp. 6–32.
17. Leist O.E. *Sanktsii i otvetstvennost' po sovetskomu pravu: (teoreticheskie problemy)* [Sanctions and Liability under Soviet Law: (Theoretical Problems)]. Moscow, MGU, 1981. 239 p. (In Russian)
18. Chebotarev A.V. Legal liability for violation of anti-doping rules in Russia: Problems and prospects. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 3, pp. 76–97. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.3.76.97>. (In Russian)
19. Girfanov I.I. The civil liability of physical culture and sports organizations. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2025, no. 1, pp. 171–175. <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-1-171-175>. (In Russian)
20. Demieva A.G., Savenko N.E. On the specific aspects of corporate liability. *Juridical World*, 2026, no. 5, pp. 27–30. <https://doi.org/10.18572/1811-1475-2026-5-27-30>. (In Russian)
21. Jourdain P. The principles of civil liability. *Civil Law Review*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 212–241. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-4-212-241>; no. 5, pp. 233–255. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-5-233-255>; no. 6, pp. 154–193. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-154-193>; 2022, no. 1, pp. 200–229. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-1-200-229>. (In Russian)
22. Vaskevich V.P. On contractual regulation in professional sports. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, 2009, no. 1, pp. 47–52. (In Russian)
23. Vasiliev I.A., Sheveleva N.A., Vetrova E.G. Banning a club from competitions for match fixing as an administrative measure established by UEFA: Legal nature and application. *Zakon*, 2020, no. 8, pp. 31–43. (In Russian)
24. Peshin N.L. On the status and jurisdiction of the Court of Arbitration for Sport in Lausanne. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 5, pp. 125–139. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.5.8>. (In Russian)

Информация об авторе

Мурад Ринатович Асадуллин, кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности, Уфимский университет науки и технологий

E-mail: asadullin-murad@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1199-8456>

Author Information

Murad R. Asadullin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Economic and Legal Security, Ufa University of Science and Technology

E-mail: asadullin-murad@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1199-8456>

Поступила в редакцию 23.10.2025

Принята после рецензирования 25.05.2026

Принята к публикации 25.05.2026

Received October 23, 2025

Revised May 25, 2026

Accepted May 25, 2026